

Георгий Анатольевич МОЛЬКОВ

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)
georgiytolkov@gmail.com

Смещение букв ш и щ в письме новгородского писца Матфея

Для древнейших памятников древнерусского языка (XI–XII вв.) известно две группы фактов смешения букв **ш** и **щ**. Для каждой из групп исследователями, обращавшими внимание на смешение только в одной из них, предлагалось отдельное объяснение.

С одной стороны, еще в дореволюционный период в поле зрения исследователей попадают примеры смешения **ш** и **щ** в церковно-книжных памятниках. А. А. Шахматов отмечает формы с заменой **щ** > **ш** в типографских минеях рубежа XI–XII в.: 7 форм в «Минее XI в. № 221»¹, 3 формы в Минее ок. 1095 г. и 3 формы в Минее на август Тип. 125 [Шахматов 1915: 322]. Ученый цитирует эти примеры в контексте обсуждения диалектных особенностей произношения сложных аффрикат [ш'ч'] и [ж'д'ж'] в ранний период и видит в написании **ш** вместо **щ** параллель к диалектной записи рефлекса [ж'д'ж'] как **жг** в новгородских памятниках: **ш** вм. **щ** соседствует с **жг** и, по мнению Шахматова, передает диалектный рефлекс [ш'х'] [Шахматов 1915: 321–322].

Отметим, что А. А. Шахматов делает примечание о написаниях **ш** вм. **щ** в старославянских памятниках, ссылаясь на работу В. Н. Щепкина, как о возможном дополнительном факторе, отразившемся в древнерусских написаниях. Появление в Саввиной книге и Мариинском евангелии единичных примеров взаимного смешения **ш** и **щ** В. Н. Щепкин оценивает как результат механической описки, вызванный графикой антиграфа [Щепкин 1899: 36–37].

Несколько позже Н. Н. Дурново поддерживает идею Шахматова и пишет о том, что сочетание *шч* в новгородском диалекте изменилось в *шх* «с очень мягким *х*», которое «писцы обозначали буквою “щ” и, может быть, иногда буквою “ш”» [Дурново 2000: 169]. Дурново приводит примеры из той же «Типогр. Минеи № 221, XI–XII в.», что и Шахматов (в том числе одна новая словоформа), а также из более позднего «Новгор. ев. XIV в.»². По данным последнего Н. Н. Дурново также предполагает, что написание **ш** вм. **щ** могло вызвать смешение двух букв с обратной заменой: **взяща, послоуцати** [Дурново 2000: 169]. В дальнейшем звучание *шх* могло переходить в *ш* долгое, а то, в свою очередь, оказавшись «после утраты *ъ*, *ь* слабых в положении между согласными, после согласных и в конце слова», в большинстве говоров переходило в «*ш* недолгое» [Дурново 2000: 170].

Того же объяснения — хотя с примерами не ранее конца XIII в. — придерживается и А. И. Соболевский. Примеры взаимной мены двух букв (*видяшихъ*,

¹ Судя по приводимым словоформам, имеется в виду минея на апрель Тип. 110, рубежа XI–XII вв.

² Евангелие, XIV в. РНБ, Ф.п.1.15.

бывицихъ и др., начиная с Пандектов 1296 г.), по мнению ученого, указывают «на произношение писцами памятников *щ* — как двойного или одиночного *ш*» [Соболевский 1907: 138].

В более поздних исследованиях повторяется интерпретация ранних фактов смешения **ш** и **щ** в книжных памятниках, предложенная А. А. Шахматовым. Л. Н. Карягина, описывая рукопись Тип. 121, отметила примеры смешения в ней и расценила их как дополнительное свидетельство новгородского происхождения рукописи [Карягина 1962: 3]. И. Тот при описании Миней на февраль из того же типографского комплекта — Тип. 103 — указал 7 примеров данного смешения, интерпретировав их как свидетельство «о диалектном изменении сочетания [šč] > [šχ]» [Тот 1981: 156]³. М. Б. Попов, приводя примеры А. А. Шахматова (*прошение, съмушааеть, судиши*), интерпретирует их как возможное отражение сложной аффрикаты вида [š'š'] [Попов 2020: 155], т. е., по-видимому, предполагает переход [š'č'] > [š'š'] без промежуточной стадии [š'χ'].

С другой стороны, явления, относящиеся к обсуждаемой теме, наблюдаются в берестяных грамотах, не известных исследователям ранее середины XX в. Они встречаются только в ранний период — XI – первой половине XII в. — и состоят, по словам А. А. Зализняка, по преимуществу в «нечетком различении **щ** и **ш**», которое выражается в использовании «промежуточной» графемы **щ** с коротким хвостом в надписях на бересте, а также в эпиграфике [Зализняк 1999: 565]. Наряду с этим в единичных случаях, всего в одной грамоте — № 246, второй четверти XI в. — встречается и мена графем, употребление **щ** вм. **ш** в дважды написанной в грамоте форме *присълеци*. А. А. Зализняк рассматривает это как факты одного порядка, позволяющие предположить, что «в раннеписьменный период разграничение **ш** и **щ** было сопряжено примерно с такими же проблемами, как разграничение **ъ** и **ь**; иначе говоря, для некоторой части пишущих (хотя, может быть, и небольшой) различия между показанными выше начертаниями [промежуточными. — Г. М.] могли не связываться с различием двух разных букв (**ш** и **щ**)» [Там же]. В связи с этим ученый предлагает видеть в написании **щ** грамоты № 246 такую же немаркированную (промежуточную) графему, «безразличное обозначение для **ш** и **щ**». При этом исследователь никак не комментирует примеры смешения двух букв из книжных памятников, приводимые А. А. Шахматовым и Н. Н. Дурново.

Указанные факты смешения букв **ш** и **щ** в книжном и бытовом письме, возможно, имеют единую природу. При явно недостаточном материале, отмеченном в бытовой письменности (всего 2 примера⁴), показательную информацию для определения природы этого явления могут предоставить рукописные источники, до сих пор целенаправленно на этот предмет не исследовавшиеся.

В первую очередь, привлекает внимание тот факт, что основная масса примеров раннего периода, приводимых Шахматовым, Дурново и Тотом, отно-

³ При этом, по нашим наблюдениям (см. ниже), 2 из 7 форм, приведенных И. Тотом, в рукописи отсутствуют и для одной лист указан неправильно.

⁴ Возможно, также написание *исоправици* в берестяной грамоте № 30 из Старой Руссы конца XII в. [Зализняк 1999: 565], где использовано **щ** с коротким хвостом.

сится к типографским минеям № 103, 110 и 125, в написании которых принимал участие один и тот же писец Матфей [Волков 1897: 33]. Можно предположить, что в его письме рассматриваемая особенность встречается особенно часто. Это дает возможность для выявления репрезентативного корпуса примеров смешения ш, ц, т. к. до нашего времени сохранился сравнительно большой (по меркам раннего периода) круг рукописей, в создании которых участвовал писец Матфей — единолично или вместе с Лаврентием. Перечень выявленных на сегодняшний день рукописей с участием Матфея С. М. Михеев приводит в следующем виде: *Янв. Tun-99*: 24r–119v; *Февр. Tun-103*: 1–53r₇, 53v₇–54r₉, 55v; *Апр. Tun-110*: 1–86r, 87v–101r₃, 101v–103v₃, 105r–107v₂, 108r, 109r_{1–11}; *Июл. Tun-121*: 45v₁₅–47r₁₆, 49v₇–52v; *Авг. Tun-125*: 1r–112v [Михеев 2019: 20]. Таким образом, в общей сложности сохранилось около 370 листов с почерком писца Матфея.

Сплошная выборка из этих рукописей по электронным копиям, доступным на сайте РГАДА⁵, подтверждает распространение написаний со смешением букв ш и ц во всех списках, над которыми работал Матфей. Интересующих нас примеров не встретилось только в Тип. 121, где Матфей переписал небольшую по объему часть текста.

Приведем все отмеченные примеры в остальных четырех минейных списках.

Тип. 99

ш > ш: въ двоу соушьствоу 29 об., поюши 32, врѣтишю тво/емѸ 32, съвъдоуше 32 об., просаши 33 об., въпнюши 34, чь/тоушнихъ 36, Пошади 41, чьтоуше 42 об., тьлѣюшек 46, съньмї//ше 47–47 об., подражаюшнихъ 48, ко/лѣвлюшася 56, кланяюша/а ти са 58, пошению 64, прѣсловоушааго 66 об., приснотекоушааго 70 об., очищаюши 72, испо/вѣдаюше 72 об., извѣщаюша 74 об., пошениемъ 82 об., добро/мошье 89, полашиса 94, ѿврѣшиса 94 об., свашенъи 98, соушьства 100, оучаша 100 об., соушьст(в)оу 100 об., свашене 102, бешисльныхъ 116, **ВЪЗВРА(ш) /** 116, просвѣшаа 117, чьтоушаа 117 об., питаюш[ю]моу 119 об.;

ш > ц: къ рожыцюмоуца 92 об., баше 97, прѣсто/ици 102,
всего — 37 раз;

Тип. 103

ш > ш: поминаюше 4, въ дѣвѣ соушьствѣ 11, въ соушьствѣ (!) дѣвѣ 11, притѣка/юшаа 15, чьтоушаа 17, избавляюши 30 об., въземлюшааго 32, вешество 36 об., соушьствынж/ю 44 об., е/диносочъшноу 51 об.;

ш > ц: похору/ливъше 13, процъд.: 23, разоривъше 26, въплъщь/цюмоуца 33, въплъщьшася 34 об., сътажавъ/ше 54, нацю 55;
всего — 17 раз;

Тип. 110

ш > ш: сѣшнкъ 4, свашенъи 9, просвѣшениа 10 об., сѣшное 15 об., все-но/шьньними 16, прири/цюшаа 17, сѣшеньствъж 19, веселашюу 26 об., по-

⁵ URL: <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&B1=Найти> (дата обращения 18.04.2020).

кажюше 28 об., чьтоушала 29, несъстарѣюшюса 31, На соудиси 35 об., Оумрьшвеноую 36, свѣшноую 40, сѣном(ч)нче 40, въплъшааца 42, поюшимъ 42, растръ/заяуша 45 об., соуши 48 об., въплъшаема 48 об., чьтоушиимъ 50 об., Въплъшаема 55, живоушни 56, просвѣшають 56, прѣсоушьствьнъи 58 об., сѣнъи 69, слѣдоушала 69 об., съмоушаеть 78, питаюшааго 81 об., правашинухъ 85, невешьствьного 85 об., про/свѣщаюшиса 88, въплъшьса 92 об., свѣшнъи 96, приемаюше 96, просвѣшаеми 101 об., просвѣшасте 103, омываюша 105;

ц > ш: Оукрѣплаще 52 об., въскрьстьцю 80;

всего — 40 раз;

Тип. 125

ц > ш: соушинухъ 4 об., въ/плъшьса 8 об., носши 10, свѣшнце 11 об., сва/шениче 12 об., наставляюша 13 об., въплъшьса 18, Просвѣшение 18 об., низъмешуци/ 22 об., въ/ дѣвѣ соушьствѣ 26 об., въ .Ѡ. соушьствѣ 27, въплъшенаго 28, соушьство 28 об., поюше 33 об., чьтоушинухъ/ 39, невешьствьно 39, при/снотекоушааго 43, безвешьствьно 48 об., авляюшаса 80 об., въплъшенж 87, тре/пешутъ 87 об., Зьрши 89, причащюшаса 90 об., въпиюшимъ 95, въстылаюша 100, овѣшани 107, въпїюшааго 108 об., живоуше 109 об., раджюшеса 111, сла/вашаа 111 об., носшаааго/ 112 об.;

ш > ц: облѣкъшаса 10, оустрашиса 16, рожьцюмоуца 37 об., въсьла-въщемъ 70, примѣци 71, прї/водици 83 об.;

всего — 37 раз.

В общей сложности встретился 131 пример, они в целом равномерно распределены по тексту рукописей⁶. Из них основная часть (113 раз) — употребление ш вм. ц и только в 17 примерах — ц вм. ш. Это соотношение показывает, что, по-видимому, главной сложностью для Матфея было этимологическое написание буквы ц, в то время как редкие ее написания на месте ш связаны с гиперкорректным самоисправлением. При этом в большинстве случаев Матфей справляется с этой проблемой: ситуация не перерастает в близкую к смешению, как, например, смешение ѣ и ѳ в Соф. 188 с 22,5% неэтимологических написаний ѳ [Мольков 2018: 137, Таблица 1] или взаимная мена еров в рукописи Син. 478 с 30% неэтимологических написаний ѳ [Мольков 2020: 201, Таблица 12]. Неэтимологические ш/ц в Тип. 103 составляют всего 1,26% от всех употреблений букв в рукописи; в Тип. 110 — 1,7% и т. д. Ближе к этим показателям смешение аффрикат ц и ч в минеях из того же собрания: в Минее ок. 1095 г. — 6,26%, по подсчетам В. М. Живова [2006: 98].

По нашим наблюдениям, 130 примеров неэтимологических написаний ш и ц у Матфея неравномерно распределены в разных морфемах и словоформах, в составе которых присутствовали соответствующие звуки. Выделяется несколько позиций, представлявших, по-видимому, для писца наибольшую сложность.

⁶ Интересно отметить также единичный пример встретившейся в Тип. 110 замены ц > ж (!): прожение дати грѣховъ 88 об.

Дистрибуция примеров со смешением ш и ц

позиция	ц > ш	позиция	ш > ц
-оуц-/-юц- ⁷	26/32	-оуш-/-юш-	—
-ац-/-лц-	1/8	-аш-/-лш-	4
свлц-	12		
въплъц-	8	-ъш-	8
-ниц-	3	-ниш (2 л. ед.)	2
другие случаи	23	другие случаи	3

Сначала рассмотрим группу с меной **ц** > **ш**. Прежде всего нужно отметить, что в преобладающем большинстве словоформ этимологическое **ц** относится к рефлексам **tj* — противопоставленным в языке южных и восточных славян, т. е. за исключением 7 примеров с **ц** > **ш** (3 формы с **-ниц-** и 4 примера из «других случаев» с рефлексам **skj* и **stj*) Матфей допускал замену в тех позициях, где в его речи была простая аффриката. Переписываемый текст в этих случаях не имел прямой опоры в формах живой речи писца, соотносясь с ними через регулярные соответствия. Это позволяет предположить, что ошибки против этимологии допускались Матфеем вследствие неверно установленного им соответствия с формами своей речи.

Материал, распределенный в таблице по группам, показывает, что основной позицией, вызывавшей затруднение Матфея в выборе графемы (67 примеров из 113), были причастные суффиксы. Такая узкая морфемная привязка заставляет поставить под сомнение фонетическую подоплеку рассматриваемых написаний. При этом интересно отметить, что в основном замена происходит в причастиях на **-оуц-/-юц-** (58 форм), из которых 32 примера — в формах на **-юц-**. В текстах миней этимологическое сочетание **-юш-** не встречается, в связи с чем для написания в причастиях **-юш-** вм. **-юц-** исключена графическая интерференция с какой-нибудь частотной группой написаний⁸; по-видимому, существенным фактором здесь является именно принадлежность графемы и стоящего за ней звучания причастному суффиксу.

Как показывает сравнительная частотность замен в основах **свлц-** и **въплъц-** (на фоне, например, основ **трьпѣц-** — 1 раз с меной, **обѣц-** — 1 раз с меной, относительно частотных основ **пѣц-**, **пиц-**, **ниц-** — ни разу с меной и нек. др.), графическая аналогия действовала как дополнительный фактор — в тех основах, которые могли ассоциироваться с причастными суффиксами: **-лц-** и **-ъш-** соответственно. Характерно, что эта дополнительная ассоциация действует не во всех минеях, переписанных Матфеем. В Тип. 99 и Тип. 103 (январь и февраль) встретилось только 2 написания **сввш-**, а все остальные формы двух названных основ с эффектом **ц** > **ш** относятся к Тип. 110 и Тип. 125 (апрель и август). Если предположить, что минеи создавались в ка-

⁷ Учтены также примеры мены в производных от **соуць-**.

⁸ Ср. написание неэтимологической аффрикаты у писца Милятина евангелия XII в. в сочетании **-оц-** (вм. **-оч-**) под влиянием частотных сокращений **оць**, **оца**, **оцю** и др.) [Мольков 2015: 711]; написание **всѣлиѣ** (вм. **всѣслиѣ**) под влиянием частных форм местоимения **все**, **всего**, **всемоу** в Минее Тип. 98 XIII в. [Пентковская 2013: 100] (ср. **всѣлиѣмь** 4 в Тип. 103) и т. п.

лендарном порядке, то Матфей изначально делал неединичные ошибки на употребление **ѡ** только в причастиях, а в 3-й и 4-й рукописях (из сохранившихся) добавил к ним по ассоциации еще две, графически сходные основы.

Рассмотрение небольшого по объему (17 словоформ) материала с обратной меной (**ш** > **ѡ**) подтверждает сделанный вывод о том, что писец испытывал сложности при написании причастных суффиксов. Половина неэтимологических **ѡ** пишется в суффиксе **-ѡш-** и еще в 4 формах — в несуффиксальных, но имеющих аналогию в причастном суффиксе сочетаниях **-аш-**, **-лш-** (> **-лѡ-**, **-лѡ-**).

Непосредственная или вторичная связь преобладающего большинства написаний с меной **ш/ѡ** в письме Матфея с причастными суффиксами показывает, какая корреляция в первую очередь мешала стандартной церковнославянской записи соответствующих рефлексов. Суффиксы действительных причастий — настоящего и прошедшего времени — единственные коррелирующие друг с другом морфемы, в план выражения которых может входить как **ш** (в прошедшем времени), так и **ѡ** (в настоящем)⁹. Представленный материал показывает, что какая-то часть древнерусских писцов опиралась на правила по соотносению книжного рефлекса **tj* с собственным произношением в достаточно широком круге позиций, а не только в начале слова (ср. правило, предлагаемое для этой позиции В. М. Живовым [2006: 144–145]). Как и единичные в церковных текстах написания **ч** на месте **tj*¹⁰, факты смешения **ш** и **ѡ**, имеющие рассмотренную дистрибуцию, подтверждают, что «русский писец, работая над церковнославянским текстом, так или иначе помогает себе, привлекая знания родного языка» [Там же: 91]. В данном случае «знания родного языка» писец привлекает при написании причастных суффиксов, не совпадавших по произношению в церковных текстах и в его собственной речи. Наблюдаемое смешение **ш** и **ѡ** (с преимущественным **ѡ** > **ш**) показывает, что Матфей, по-видимому, подбирал соответствия авторитетным книжным рефлексам, но не всегда правильно, путая действительные причастия настоящего и прошедшего времени. В большинстве случаев он правильно соотносит книжные **-оуѡ/-юѡ-** и **-лѡ/-лѡ-** с собственными **-оуѡ/-юѡ-** и **-лѡ/-лѡ-**, но эта ассоциация регулярно перебивалась у него возможным соотносением с **-(в)ѡш-**, также свойственным его речи. Показательно, что большую часть ошибок Матфей делает в суффиксе с гласным заднего ряда — того же, что и гласный в суффиксах **-ѡш/-вѡш-**. Возможно, дополнительно эту ошибочную ассоциацию поддерживало сближение суффиксов настоящего времени на **-ѡ** по признаку книжности с вариантом суффикса прошедшего времени у глаголов с основой на **t̄* — **-ѡш-**, который встречался преимущественно в церковных текстах южнославянского происхождения [Крысько 2020: 320]; это под-

⁹ Хотя взаимно соотносятся (см. Таблицу 1) также субстантивный суффикс **-нѡ-** (особенно — в форме МП ед., ср. в Тип. 99: **въ вѣрѣнѡ** 47 об., **на соуднѡ** 84; в Тип. 103: **на соуднѡ** 14; в Тип. 110: **въ прѣстанѡ** 19, **въ... прѣстанѡ** 51, **на соуднѡ** 74 и др.), представленный в минеях в большом количестве лексем, и флексия настоящего времени 2 л. ед. **-нѡ**. Эта грамматически разнородная корреляция давала единичные примеры смешения.

¹⁰ Одно из них отмечено и у Матфея — в минее Тип. 103: **ѡмечѡѡ** 51 [Тот 1981: 155].

тверждается несколькими примерами обратной замены (**ш** > **щ**) именно в данном варианте: **къ рожьщюмоуѣсѧ** 92 об. в Тип. 99, **въплъщъщасѧ** 34 об. в Тип. 103 и **рожьщюмоуѣсѧ** 37 об. в Тип. 125.

Косвенным аргументом, подтверждающим графико-орфографическую природу наблюдаемого смещения, служит локализация примеров в тексте. Достаточно большая доля написаний со смещением — 36 из 130 — приходится на последнюю строку абзаца, перед знаком ∴ (в приведенном выше списке указания на листы для таких примеров подчеркнуты). Возможно, это говорит о меньшей внимательности писца при написании заключительных синтагм стихир и тропарей, иногда представляющих собой недописанные фразы.

Роль фонетического параметра в появлении взаимных замен **ш** и **щ** у Матфея остается сугубо гипотетической. Предлагавшиеся исследователями варианты специфического диалектного произношения сложной глухой аффрикаты в речи писца — [š'χ'] у А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново или [š'š'] у М. Б. Попова (см. выше) — не подкреплены какими-либо дополнительными аргументами, кроме самого факта ранних замен **щ** на **ш** и более позднего фонетического развития сложных аффрикат. Более обоснованной представляется гипотеза В. Б. Крысько, согласно которой сложное сочетание [š't's'] — по аналогии с надежно устанавливаемым диалектным произношением соответствующего звонкого — «упростилось на новгородско-псковской территории путем утраты конечного звука» [Крысько 1994: 35], т. е. дало [š't']. В таком случае ожидаемым способом передачи диалектной глухой аффрикаты, по образцу написаний **жг** для звонкой, является сочетание **шк**, и это подтверждается письменными фактами XII в. [Там же: 36]. Выбор Матфеем буквы **ш** для передачи собственного диалектного произношения [š't'], преимущественно в тех словоформах, где в его речи была аффриката [č']/[c'], маловероятен.

Тем не менее, можно указать на некоторые факторы графико-орфографического порядка, которые, возможно, способствовали возникновению у писца Матфея неправильной ассоциации, связанной с употреблением графем **ш** и **щ**. Один из них может быть связан с распространением на Руси в ранний период типа азбук, в которых отсутствовали некоторые буквы, в том числе **щ** [Зализняк 1999: 558–560]. А. А. Зализняк предполагает возможную связь между наличием азбук этого типа и написаниями *присълещи* в грамоте № 246; при обсуждении этого вопроса ученый также отмечает тот факт, что «в древнейших берестяных грамотах (XI – 1 пол. XII в.) этимологическое **щ** встретилось всего несколько раз» [Там же: 565]. При значительно бóльшей частотности графемы в книжных текстах у писцов, проходивших обучение чтению по азбуке названного типа — с отсутствующей **щ**, ожидается бóльшее количество аномалий, связанных с ее написанием. Возможно, Матфей относился к числу таких писцов.

Кроме того, при рассмотрении смещения **ш** и **щ** у Матфея и благоприятствующих ему факторов необходимо учитывать графико-орфографический контекст его почерка, который по ряду параметров является достаточно специфичным. Эта специфика была подробно проанализирована в работе В. С. Голышенко. Рассматривая проблему смещения в ранней письменности букв,

имевших общую часть в начертании, исследовательница отмечает, что употребление **ѣ** в м. **ѣ** и **о** в м. **оѣ**, известное ряду восточнославянских рукописей XI–XIII вв., представлено «в довольно большом количестве» в комплекте типографских миней рубежа XI–XII вв., и при этом — только в почерке Матфея [Гольщенко 1982: 20–23]. Графическое объяснение этого явления — т. е. путаница близких по начертанию графем — представляется В. С. Гольщенко наиболее убедительным [Там же: 19]. Пара **ш** и **щ** структурно не совпадает с названными парами графем (монограф / диграф), однако эти буквы вполне подходят под определение графем, имеющих общую часть в начертании. В связи с этим интересно отметить еще один более экзотический случай путаницы Матфея в двух графически близких буквах — **б** и **в** — представленный формами **бѣпиа** в м. **вѣпиа** 39 об. в Тип. 103 и **волѣзни** в м. **болѣзни** 101 об. в Тип. 110. По-видимому, визуальное сходство букв или их частей создавало для этого писца дополнительные сложности при письме.

Совокупность рассмотренных фактов, делающих явной графико-орфографическую природу смещения букв **ш** и **щ**, относится к одному почерку. Как было показано при обзоре литературы, кроме Матфея ранние примеры этого смещения указывались для других писцов миней, входящих в типографский комплект рубежа XI–XII вв., — Минеи ок. 1095 г. (А. А. Шахматов) и Тип. 121 (Л. Н. Карягина). Единичный характер таких написаний в других почерках не дает возможности надежно установить их природу, однако, на наш взгляд, наиболее вероятно единое основание написаний взаимной мены **ш** и **щ** в ранний период (XI–XII вв.). При этом соотнесение двух морфем, противопоставленных в плане выражения за счет **ш/щ**, не обязательно должно ограничиваться суффиксами причастий — как показывает соотнесение морфем **-ищ/-иши** у Матфея, вызвавшее единичные отклонения от этимологической записи. Например, написание *прошение* в м. *прощение* из Минеи ок. 1095 г. может быть вызвано наличием соответствующего квазиомонимичного слова.

По нашим наблюдениям, единичные примеры замен **ш** и **щ** встречаются в ранних древнерусских рукописях за пределами типографского комплекта миней. Такие примеры есть в Погод. 11 XI в. — **живѣщи** 242 об.; в Соф. 188 рубежа XI–XII вв. — **просвѣшьшааго**: 69; в Соф. 384 ок. 1160 г. — **молшшоуста** 86 об., **оутѣшителѧ** 114; в Соф. 1136 конца XII в. — **множшцини наро/ди** 9 об. Показательно, что 3 из 5 приведенных замен относятся к причастным формам.

ИСТОЧНИКИ

- Погод. 11 — РНБ, Погод., № 11. Краткоапракосное евангелие, 264 л., XI в.
 Соф. 188 — РНБ, Соф., № 188. Служебная миней на сентябрь–октябрь, рубеж XI–XII вв.
 Соф. 384 — РНБ, Соф., № 384. Стихирарь минейный, 114 л., ок. 1160 г.
 Соф. 1136 — РНБ, Соф., № 1136. Устав студийский, 105 л., конец XII в.
 Тип. 99 — РГАДА, Тип., № 99. Служебная миней на январь, 119 л., рубеж XI–XII вв.
 Тип. 103 — РГАДА, Тип., № 103. Служебная миней на февраль, 55 л., рубеж XI–XII вв.
 Тип. 110 — РГАДА, Тип., № 110. Служебная миней на апрель, 110 л., рубеж XI–XII вв.
 Тип. 121 — РГАДА, Тип., № 121. Служебная миней на июль, 52 л., рубеж XI–XII вв.
 Тип. 125 — РГАДА, Тип., № 125. Служебная миней на август, 112 л., рубеж XI–XII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV веков и их указатель (Памятники древней письменности, СХХIII), Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1897. 96 с.
- Гольштенко В. С. Немаркированный знак ѣ в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М.: Наука, 1982. С. 3–29.
- Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. 780 с.
- Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. 312 с.
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.
- Карягина Л. Н. Палеографическое описание Служебной Миней конца XI – начала XII вв. // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М.: Наука, 1962. С. 3–19.
- Крысько В. Б. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализация) // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 28–45.
- Крысько В. Б. Причастия // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 320–329.
- Михеев С. М. Миней двух Домок: еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne. 2019. Vol. 8. № 2. С. 7–56.
- Мольков Г. А. Язык и письмо Милятина евангелия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. XI. Ч. 3. С. 683–742.
- Мольков Г. А. Смещение букв ѐ и ѣ в Служебной минее начала XII в. (Соф. 188) // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 133–160.
- Мольков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века: дис. ... докт. филол. наук / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2020. 494 с.
- Пентковская Т. В. Палеографическое и графико-орфографическое описание Типографской Миней XIII века // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М.: Древлехранилище, 2013. С. 86–114.
- Попов М. Б. История звукового строя русского языка // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 144–169.
- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М.: Университетская типография, 1907. 300 с.
- Тот И. Х. Служебная миней на месяц февраль первой половины XII в. (предварительное сообщение) // Acta Universitatis szegediensis. Dissertationes Slavicae. Slavistisches Mitteilungen. 1981. С. 140–162.
- Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Типография Императорской академии наук, 1915. 424 с.
- Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. 349 с.